

УДК 339.9

НАСКОЛЬКО ВЫГОДНО СТРАНАМ ЦВЕ ЧЛЕНСТВО В ЕС: ПОПЫТКА КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

© 2024 ДРИНОЧКИН Алексей Викторович

*Доктор экономических наук, профессор
Профессор МГИМО (университета) МИД России
119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76;
ведущий научный сотрудник, Институт Европы РАН
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3
E-mail: drinda-hu@yandex.ru*

Поступила в редакцию 21.03.2024

Принята к публикации 13.05.2024

Аннотация. Тектонические изменения в системе современных геоэкономических отношений вызывают необходимость пересмотра многих теоретических постулатов. Одним из них выступает безусловная выгода участия в интеграционных объединениях. В статье рассмотрены страны Центрально-Восточной Европы, вступившие в Евросоюз в 2004 г. В отдельных случаях к анализу привлекаются данные по государствам-членам, вошедшим в объединение в 2007 и 2013 гг. Цель исследования – оценка масштаба получаемых странами ЦВЕ преимуществ от членства в ЕС. Изучение участия государств региона в объединении позволило сделать ряд выводов. Избыточная идеолого-политическая аргументация, применявшаяся в восточноевропейских странах в период принятия решений о вступлении в ЕС, существенно снизила эффективность анализа экономических последствий будущего членства. Ключевая методологическая сложность – проведение квантифицированного анализа макроэкономических аспектов членства в Евросоюзе, что обусловило проблематичность определения количественно измеряемого воздействия общих эффектов интеграции применительно к странам ЦВЕ. Отмечено наличие чрезмерно оптимистических оценок эффективности получения восточноевропейскими странами трансфертов из бюджета ЕС.

Ключевые слова: Центрально-Восточная Европа, интеграция, трансферты, бюджет ЕС, эффекты членства

DOI: 10.31857/S0201708324030100

Квантификация вопроса о выгодах вступления стран ЦВЕ в ЕС

На рубеже 1980–1990-х гг. привлекательность Европейского союза в глазах населения и руководства стран Центрально-Восточной Европы в первую очередь основывалась на длительном существовании интеграционного объединения и последовательном и стабильном расширении количества участников. Сыграло роль характерное для институтов ЕС преувеличение достижений, которые некритично воспринимались в странах региона.

Позитивное отношение также основывалось на сформировавшемся в научной литературе мнении, что интеграция априори приносит выгоды участникам. Считалось, что практика многих объединений подтвердила выводы специалистов по теории интеграции. Например, А. Битценис и А. Андроникидис, ссылаясь на работы основоположников теории интеграции Дж. Винера, Дж. Мида, Б. Балашши, резюмируют основные выгоды от вступления в Евросоюз: увеличение торговли и потоков капитала; улучшение физической и институциональной инфраструктуры (*hard and soft infrastructure*); снижение рисков для бизнеса за счет содействия макроэкономической, правовой и политической стабильности; улучшение качества и уровня жизни; использование эффективных методов производства путем интеграции новых технологий, стоимость которых частично субсидируется ЕС; снижение цен на товары вследствие существования свободного рынка [Bitzenis, Andronikidis, 2006].

Некоторые современные экономисты очень критичны в отношении выгод от интеграции. Например, О.Н. Бучинская утверждает, что «чрезмерная интеграция не способствует повышению всеобщего благосостояния и порождает новые проблемы, выходящие не только на региональный, но и на глобальный уровень». Дж. Винер и Дж. Мид не считали, что вступление в таможенный союз выгодно любому участнику. Первый указывал на то, что таможенный союз можно рассматривать как движение в сторону свободной торговли, так и в сторону протекционизма, и таким образом признавал невозможность априорной оценки, зависящей от обстоятельств, деталей и практики функционирования [Viner, 1950]. Дж. Мид, говоря о преимуществах участия страны в таможенном союзе, утверждал, что «... невозможно высказать суждение о таможенных союзах вообще. Они могут выступать в качестве инструмента, ведущего к более экономичному использованию ресурсов, но могут и не выступать в качестве такового. Все это зависит от конкретных обстоятельств определенной ситуации» [Мид, 2006: 714].

В ЦВЕ господствовала «потребительская и психологическая эйфория» от будущего участия в Евросоюзе [Колобов, 2008], которая постепенно сменилась более трезвым подходом, предполагающим расчеты соотношения выгод и недостатков вступления в интеграционное объединение.

«Расширение ЕС – это испытание интеграции на прочность» [Куликова, 2007], поэтому страна, начиная подготовку к вступлению в Евросоюз, сопоставляет преимущества и недостатки членства. Например, исследовательские проекты проводили Швеция, Австрия и Норвегия, когда оценивали последствия присоединения к ЕС или Европейской экономической зоне [Mortensen, Richter, 2000]. В диссертации М. Бьярнасон на примере потенциального вступления Исландии в Евросоюз пока-

зано, что дополнительные выгоды от членства не столь велики по сравнению участием в Едином европейском экономическом пространстве [Vjarnason, 2010].

Аналогичные исследования проводились в странах ЦВЕ. Однако мотивация к вступлению была идеолого-политической, поэтому альтернативные возможности не рассматривались. Следовательно, результаты исследований были предопределены.

В странах ЦВЕ в силу традиций и использования разных концепций существования различия в методологии оценок. В Словении при анализе вопросов, связанных с издержками и выгодами членства в ЕС, наблюдалась склонность к применению количественного подхода, в то время как в Польше чаще использовался качественный/описательный подход, а не моделирование. В Венгрии последнее было скорее исключением, чем правилом (кроме вопросов сельского хозяйства) [Mortensen, Richter, 2000].

Можно выделить следующие причины незначительной представленности количественных исследований. Во-первых, к ним относится политическая предопределенность выгодности, которая опиралась на распространяемые в первой половине 1990-х гг. западными экспертами опасения силового коммунистического реванша. Под их влиянием общественность стран ЦВЕ рассматривала вступление в Евросоюз как гарантию безопасности.

Во-вторых, некоторые факторы выходят за рамки экономического анализа, например: безопасность в военном и внешнеполитическом плане; участие в едином экономическом пространстве; переход к макроэкономической, правовой и политической стабильности; прогресс в законодательстве и институциональной сфере; увеличение свободы и возможностей выбора для экономических агентов; достижение сопоставимых стандартов жизни в разных странах; издержки гармонизации страновых норм и правил с принятыми в ЕС и т. п. Это связано с многомерностью выгод от интеграции, что проявляется в разнообразии сфер (политическая, экономическая, культурная) и бенефициаров (страны – члены ЕС, страны-кандидаты, страны, которые могут присоединиться) [Bitzenis, Andronikidis, 2006].

В-третьих, при анализе необходимо учитывать постоянно расширяющийся перечень факторов. Например, Й. Мортенсен и С. Рихтер предложили такой набор параметров для оценки экономической выгоды от вступления в ЕС:

- последствия вступления в таможенный союз,
- последствия свободного перемещения нематериальных товаров,
- последствия бесплатного предоставления услуг,
- миграция рабочей силы,
- свободное движение капитала,
- последствия вступления в валютный союз,
- устранение нетарифных барьеров, гармонизация стандартов и применение *acquis communautaire*,
- последствия применения пруденциальных правил и положений внутреннего рынка ЕС,
- влияние бюджета ЕС, в частности структурных фондов,
- влияние общей сельскохозяйственной политики и других общих политик,
- влияние на отраслевую и региональную структуру экономики.

Однако исследователи указывали, что этот перечень будет расширяться и требует «значительного вклада человеческих ресурсов и широкого исследовательского потенциала при значительной финансовой поддержке со стороны государственных органов» [Mortensen, Richter, 2000].

В-четвертых, невозможно оценить все факторы в количественном выражении, а одно и то же явление может иметь противоположные последствия для разных групп общества или в разных сферах экономики (например, возроставшие цены на сельскохозяйственную продукцию означали выгоды для фермеров, но убытки для потребителей).

На странице сайта Еврокомиссии, посвященной бюджету Евросоюза, фактически утверждается, что не имеет смысла подсчитывать «бухгалтерские преимущества» (*accounting benefits*) участия той или иной страны в ЕС: «... распределение расходов между государствами-членами по определению несовершенно, поскольку оно не отражает преимуществ участия в нашем общем европейском проекте ...»; «... от членства в ЕС выигрывают все... Все государства-члены ЕС получают выгоду от того, что они являются частью единого рынка, совместно решая проблемы миграции и борьбы с терроризмом и изменением климата, а также от улучшения дорог, модернизации государственных услуг и передового медицинского лечения»¹.

В общем виде анализ экономических выгод и издержек вступления стран ЦВЕ в ЕС можно вести по нескольким направлениям. В статье акцент сделан на макроэкономическом (оценка влияния таких малоквантифицируемых параметров, как единое экономическое пространство с четырьмя свободами передвижения, гармонизация норм и правил и т. п., на макропоказатели стран ЦВЕ) и финансовом (т. е. оценка влияния трансфертов из фондов ЕС).

К вопросу об измерении макроэкономических эффектов интеграции

Отправная точка макроэкономического направления анализа последствий расширения Евросоюза – доклад Чеккини², в котором математически доказывается, что будущие расширения положительно повлияют на темпы роста ВВП и создание новых рабочих мест. Страны ЦВЕ рассмотрены вместе, а оценки выгод сделаны исключительно с позиций государств-членов и не касаются стран региона, которые в тот период считались потенциальными кандидатами на вступление. В 2011 г. группа польских экспертов из Института структурных исследований (*Institute for Structural Research, IBS*) провела исследование, в котором с позиций

¹ EU spending and revenue 2014–2020. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/eu-budget/long-term-eu-budget/2014-2020/spending-and-revenue_en (дата обращения: 02.02.2024).

² Доклад, состоящий из около 6 тыс. страниц и презентованный в 1988 г., подготовлен группой экспертов под председательством итальянского экономиста Паоло Чеккини. В нем рассмотрены преимущества объединения внутреннего рынка Европейского сообщества и даны прогнозные оценки экономической эффективности этого шага к 1992 г.

ЕС-15 оценивался опыт участия Вишеградской четверки (В4) в интеграционном объединении. Авторы пришли к выводу, что 1 евро, потраченный в 2004–2015 гг. странами ЕС-15 на политику сплочения в странах В4, вследствие значительного увеличения производства в регионе, а также потребительского, инвестиционного и промежуточного спроса приводит в среднем к 61 центу дополнительных поставок из ЕС-15 в В4¹.

Что касается количественной оценки членства в Евросоюзе, Д. Браун, А. Дирдорф, С. Дянков, Р. Стерн приводят данные, что в странах Вишеградской группы после вступления в объединение уровень благосостояния мог вырасти на 3,8–7,3%. [Brown et al., 1997]. Г. Патаки, изучавший воздействие устранения нетарифных барьеров и снятия ограничений на приток ПИИ на экономики Восточной Европы, пришел к выводу, что более глубокая интеграция в рамках ЕС поразному влияет на государства-члены². По его расчетам, ликвидация оставшихся на тот момент нетарифных барьеров на товарном рынке Евросоюза в наибольшей степени будет иметь положительный эффект для стран ЦВЕ: наиболее высокие приросты ВВП вследствие устранения нетарифных барьеров будут в Словакии, Венгрии, Чехии и Эстонии (4,8, 4,5, 4,2, 4,1% соответственно), наименьшие – в Хорватии, Румынии, Польше и Болгарии (1,2, 1,3, 2, 2,2% соответственно). Даже небольшие приросты будут больше расчетных для 12 стран ЕС, среди которых – Германия, Британия, Франция, Италия, Швеция.

Влияние устранения нетарифных барьеров на рост торговли внутри Евросоюза также значительнее для стран Восточной Европы (прирост варьируется от 6,1 для Румынии до 9,7% для Хорватии) и намного ниже для стран-основательниц (прирост – в интервале 5,1–5,8%).

Эффект от снятия ограничений на приток ПИИ в наибольшей степени проявляется в приросте ВВП в странах ЦВЕ: 9 стран из 11 новых членов ЕС в 2004–2013 гг. имеют расчетный прирост более одного процента (кроме Болгарии и Хорватии), в т. ч. прирост более 2% ожидался в Чехии, Венгрии, Словакии и Словении.

Ряд авторов ограничиваются качественными оценками. Например, преимуществом членства в ЕС выступает либерализация торговли (т. е. сокращение торговых и сельскохозяйственных тарифов), позволяющая снижать реальные торговые издержки и улучшать состояние торгового баланса [Keuschnigg et al., 2001]. А. Битценис и А. Андроникидис выделили не только показательные преимущества, получаемые странами ЦВЕ при вступлении в ЕС (либерализация торговли, увеличение ПИИ, использование фондов ЕС для улучшения инфраструктуры и финансовых показателей), но и отмечали серьезные издержки (транзакционные издержки, изме-

¹ Zawistowski J. (ed.) (2011) Evaluation of benefits to the EU-15 countries resulting from the implementation of the Cohesion Policy in the Visegrad Group countries. Warszawa. Instytut Badań Strukturalnych; Reytech. 2011. 182 p. URL: <https://ibs.org.pl/en/publications/evaluation-of-benefits-to-the-eu-15-countries-resulting-from-the-implementation-of-the-cohesion-policy-in-the-visegrad-group-countries-2/> (дата обращения: 02.02.2024).

² Pataky G.Zs. The Cost of Non-Europe in the Single Market. Brussels. EPRS. 2014. 38 p. DOI: 10.2861/57536

нения в финансовой и денежно-кредитной политике, необходимость крупных инвестиций в технологии и другие сектора) [Bitzenis, Andronikidis, 2006]. С.П. Глинкина отмечала, что подготовка к вступлению в ЕС стимулировала реформирование экономики стран ЦВЕ [Глинкина, 2008].

Рассчитанные в ряде работ прогнозируемые эффекты учитывают преимущественно статические эффекты увеличения торговой активности. По этой причине дальнейшие отложенные во времени эффекты благосостояния динамического равновесия количественно не определяются. К ним можно отнести улучшение доступа к фирмам на иностранных рынках (использование эффекта масштаба), снижение потребительских цен, динамичный рост инноваций и др.

В более поздних работах появляются критичные оценки, касающиеся последствий расширения как для ЕС, так и для новых членов. Например, М. Конколь в ходе ревизии доклада Чеккини отмечает, что реальные результаты процесса рыночной интеграции в Евросоюзе существенно отличаются от ожидаемых как в теории экономической интеграции, так и в эмпирических исследованиях. Ее анализ показал, что создание внутреннего рынка увеличило ВВП в ЕС примерно на 2–3% вместо прогнозируемых 4,25–6,5% [Kaokol, 2015].

В других работах отмечается, что позитивные эффекты от вступления стран ЦВЕ в ЕС ослабевают по мере гармонизации экономических механизмов в старых и новых членах [Кондратьева, 2023]. Это соответствует выводам Г. Патаки о сокращении потенциала интеграции в результате ее углубления и повышения открытости экономик. Польские эксперты из *IBS* прогнозировали, что снижение эффектов членства будет усиливаться после 2014–2015 гг.¹

В работе Б. Петровой и А. Шнайдер Ли на основе перекрестного анализа временных рядов стран ВЕ в период с 2004 по 2018 г. исследуется влияние торговых потоков, фондов политики сплочения, эмиграции, денежных переводов и членства в Экономическом и валютном союзе. Выводы авторов не всегда позитивны: с одной стороны, эмиграция и коммерческая переориентация на ЕС связаны с активными усилиями по смягчению неравенства доходов, с другой – введение евро приводит к снижению перераспределения, а получение средств из фондов сплочения не влияет на разницу в доходах [Petrova, Sznajder, 2023].

Страны ЦВЕ положительно оценивают баланс финансовых выгод и недостатков, несмотря на то что «степень вовлеченности в европейскую интеграцию, достигнутые экономические результаты, диапазон существующих нерешенных проблем у них неодинаковы» [Четверикова, 2020]. Социологические опросы показывают заинтересованность граждан в членстве в Евросоюзе [Сергеев, Воротников, 2023] и подтверждают тезис, что люди в странах, которые больше выигрывают от членства в объединении, демонстрируют более высокий уровень поддержки участия страны в ЕС [Christopher et al., 2009]. Даже премьер-министр Венгрии В. Орбан – главный фрондер Евросоюза – постоянно заявляет, что страна – надежный член ЕС. Слова вице-преьера правительства Венгрии М. Варга, что если к 2030 г.

¹ Zawistowski J. (ed.) (2011) Evaluation of benefits to the EU-15 countries...

страна из реципиента превратится в донора, то вопрос о членстве следует переосмыслить¹, представляют не намерение, а попытку торга.

К вопросу об измерении финансовых эффектов интеграции (на примере стран ЦВЕ)

Финансовое направление анализа обычно состоит в прямом сопоставлении потоков финансовых средств, направляемых членами ЕС в общий бюджет и получаемых оттуда посредством различных фондов. Это самый простой способ, т. к. Еврокомиссия публикует информацию о доходах и расходах бюджета объединения по странам.

Для иллюстрации чистых позиций отдельных государств-членов самые простые способы – анализ нетто-позиций стран в денежном выражении (в абсолютном и подушевом разрезе) и в относительном выражении (сальдо взвешивается по размеру ВВП или ВНД). Результаты анализа приведены в таблице 1.

Таблица 1

Сальдо между трансфертами из бюджета ЕС и взносами в бюджет ЕС некоторых стран ЕС*

Год	Польша	Чехия	Словакия	Венгрия	Румыния	Болгария	Эстония	Латвия	Литва
Всего, млрд евро (1)									
2010	8,2	1,9	1,3	2,7	1,2	0,9	0,7	0,7	1,3
2015	9,1	5,5	3,0	4,6	5,1	2,2	0,2	0,7	0,5
2018	11,6	2,1	1,6	5,0	3,0	1,6	0,5	0,9	1,6
2021	12,9	3,1	1,8	4,3	4,2	1,9	0,9	1,2	2,0
2022	12,5	3,0	2,3	4,6	5,8	1,7	0,9	1,1	1,8
Всего, % от ВНД (1)									
2010	2,4	1,3	1,9	2,9	0,9	2,4	4,8	3,7	4,9
2015	2,2	2,7	4,0	4,3	3,2	5,2	1,2	3,1	1,4
2018	2,4	1,1	1,8	4,0	1,5	2,9	2,1	3,2	3,8
2021	2,3	1,4	1,8	2,9	1,8	2,8	2,5	2,8	3,1
2022	1,9	1,1	2,1	2,7	2,0	2,0	2,6	2,7	2,7
На душу населения, тыс. евро (2)									
2010	215	183	233	270	58	118	501	322	437
2015	240	524	560	463	258	314	177	379	169
2018	306	200	294	515	156	226	389	487	581
2021	349	397	516	471	323	301	697	628	702
2022	374	322	555	544	448	514	819	690	729

*- жирным шрифтом выделены страны-лидеры

Источник: (1) материалы Еврокомиссии “EU spending and revenue – Data 2000–2022”. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/eu-budget/long-term-eu-budget/2021-2027/spending-and-revenue_en (дата обращения: 25.03.2024).

(2) рассчитано автором на основании источника (1) с привлечением данных Евростата по ВВП и населению рассматриваемых стран.

¹ Ildikó C. Varga Mihály első ízben és keményen reagál Matolcsy György kritikájára. ATV. 01.08.2021. URL: <https://www.atv.hu/belfold/20210801/varga-mihaly-fellinit-idez-es-első-izben-reagal-matolcsy-gyorgy-kritikajara> (дата обращения: 19.10.2022).

Из таблицы 1 следует, что ранжирование нетто-позиций выбранных стран заметно отличается в зависимости от метода расчета. Если Польша по величине абсолютного сальдо трансфертов выступает лидером в ЕС среди стран-реципиентов, то по относительным показателям сальдо трансфертов (% от ВВП или размер на душу населения) лидерами преимущественно являются страны Прибалтики.

Кроме того, в первую пятерку реципиентов в 2021–2022 гг., помимо новых членов ЕС, входят Греция и Бельгия. Положение первой обусловлено значительными проблемами в сфере макроэкономической сбалансированности. Бельгия входит в число лидеров из-за расположения основных наднациональных органов на ее территории, поэтому она нуждается в компенсации административных расходов. Позиция Еврокомиссии состоит в том, что поскольку эти расходы приносят пользу всем государствам-членам, то ранжирование по вектору и величине трансфертов в/из бюджета Евросоюза нуждается в корректировке. В результате появилась концепция операционного бюджетного баланса, суть которой в том, что при расчете сальдо не учитываются расходы на содержание аппарата ЕС, таможенные доходы и расходы, не относящиеся к государствам-членам [Busch, 2021]. При таком подсчете Бельгия входит в категорию стран-доноров, а ее место среди стран-реципиентов занимает Испания [Busch, Samina; 2022].

Таким образом, различные способы расчета сальдо финансовых трансфертов показывают, что реципиентами в основном выступают географически периферийные государства, т. е. расположенные на востоке, юго-востоке и юго-западе ЕС. На страны ЦВЕ приходится значительная доля сальдо поступлений из бюджета Евросоюза в денежном выражении (в 2022 г. – 78,7%; остальное – на Португалию, Испанию, Грецию, Мальту и Кипр), а величина совокупного их сальдо, рассчитанная как процент от ВВП, составила 1,92%, тогда как для остальных стран-реципиентов – 0,57%¹.

С одной стороны, страны ЦВЕ выступают за максимально возможный объем выделяемых из фондов ЕС средств, с другой – ширится круг работ, в которых степень и воздействие трансфертов на экономику стран-реципиентов оценивается с большим скепсисом.

В работах западноевропейских специалистов представлены более жесткие оценки, чем в статьях исследователей из стран ВЕ. Например, Э. Чиани и Г. де Блазио на материале Италии отмечают, что фонды ЕС оказывают ограниченное влияние на местные показатели занятости и цены на товары для дома². М.Т. Альварес-Мартинес и К. Поло на примере Испании сделали вывод, что фонды ЕС оказывают влияние на экономическое развитие, но оно имеет краткосрочный характер [Álvarez-Martínez, Polo, 2017]. М. Бьярнасон пыталась начать дискуссию о необходимости собственного труда вместо надежды на субсидии, т. к. «... помощь ЕС направлена не

¹ Рассчитано автором на основании материалов Европейской комиссии.

² Ciani E., de Blasio G. European structural funds during the crisis: evidence from Southern Italy. *Temі di discussione*. No. 1059. Bank of Italy. 09.2015. URL: https://www.bancaditalia.it/pubblicazioni/temi-discussione/2015/2015-1029/en_tema_1029.pdf (дата обращения: 25.03.2024).

на поощрение лени и зависимости, а на содействие слаженному функционированию союза путем сокращения неравенства» [Vjarnason, 2010].

Исследователи из стран ВЕ продолжают настаивать на необходимости внешних трансфертов, но сводят проблему к максимизации использования выделенных для той или иной страны средств. Число факторов, препятствующих полному освоению трансфертов, значительно, например действия иностранных компаний, которые поглощают большую часть средств Евросоюза и вывозят деньги из страны [Medve-Bálint, Šćeranović, 2020]. Гранты ЕС увеличивают занятость, продажи, соотношение капитала к рабочей силе и производительность труда, но обладают противоречивым воздействием на общую факторную производительность [Muraközy, Telegdy, 2023]¹.

Перечень факторов, негативно влияющих на полноту использования трансфертов, постоянно ширится. В этой связи следует рассмотреть влияние такого фактора, как принцип авансирования (страна-реципиент при реализации какого-либо проекта по линии фондов должна полностью его профинансировать за счет собственного бюджета, и только затем открывается возможность поступления средств). Этот механизм снижает потенциал использования трансфертов.

Сначала страна по правилам ЕС вносит из своего бюджета в общий сумму примерно в размере 1% ВВП, но не более 1,4%. Часть средств безвозвратно направляется на финансирование наднациональных органов, другая – поступает в т. н. еврофонды, из которых в результате внутрисоюзного перераспределения страна может при выполнении многих бюрократических условий получить несколько больше, чем первоначально внесла (Таб. 1). Применение принципа авансирования проектов за счет собственных средств фактически означает, что к ранее внесенным в бюджет ЕС обязательным отчислениям добавляется финансирование проектов из национального бюджета (что увеличивает на какое-то время дефицит национального бюджета на величину авансированных проектов). Однако последующий возврат средств из фондов ЕС только немного снижает дефицит бюджета, а не превращает его в профицит по следующим причинам.

Во-первых, коэффициент использования средств ЕС для финансирования одобренных проектов, как правило, не превышает 25% (т. е. доля национального софинансирования обычно составляет 75–80% от стоимости проекта). В отдельных случаях коэффициент использования может достигать 100%, но в совокупности средства из еврофондов полностью не покрывают затраты национальных бюджетов.

Во-вторых, достаточно сложная процедура получения ведет к оплате услуг разных консультантов и экспертов по освоению средств, что происходит за счет национального бюджета или финансов, выделенных на проект. Практика стран ВЕ по назначению в рамках системы госуправления чиновников, отвечающих за повышение эффективности освоения также требует бюджетных ассигнований (например, зарплата, содержание аппарата, командировки и т. п.).

¹ Об эффективности использования средств из ЕС и их влиянии на развитие стран см. подробнее: [Šostar et al., 2023]

В-третьих, ценностная риторика в Евросоюзе увязывает выделение средств из структурных фондов с соответствием политики страны европейским ценностям. Примером служит Регламент 2020/2092, связывающий бюджетные выплаты с соблюдением положения о верховенстве права¹. Поскольку критерии соответствия ценностям не подлежат квантификации в силу их неэкономической природы, это дает возможность Брюсселю оказывать экономическое давления на страны, которые не разделяют европейские ценности. Примерами выступают Венгрия и Польша, для которых временно замораживали выделение средств из еврофондов.

В итоге выделенные средства не осваиваются в полной мере. Например, Словакия в 2014–2020 гг. смогла использовать только 40% доступных средств². Венгрия ежегодно выделяет на цели развития из национального бюджета в 1,5 раза больше, чем может получить из фондов Евросоюза. При этом их величина постоянно растет³.

* * *

Ключевое препятствие в поиске ответа на вопрос о выгодности участия стран ЦВЕ в ЕС – отсутствие общепризнанной методологии количественной оценки макроэкономических последствий расширения Евросоюза. Аспекты членства в интеграционном объединении, которые выглядят квантифицируемыми, зависят от способа подсчета. В этой ситуации приходится использовать противоречивые данные или ориентироваться на неэкономические аргументы (нарративы, представления и т. п.). Результаты исследования позволяют приблизиться к заключению, что выгоды для стран Центрально-Восточной Европы от трансфертов из бюджета ЕС невелики, а их польза преувеличена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Куликова Н.В. (ред.) (2007) *Адаптация стран Центральной и Юго-восточной Европы к условиям развития в составе Европейского союза*. ИЭ РАН, Москва. 286 с.

Бучинская О.Н. (2023) Проблемы неравенства и управления в Евросоюзе. Вестник Томского государственного университета. *Экономика*. № 62. С. 171–189. DOI: 10.17223/19988648/62/12

Глинкина С.П. (2008) Центральная и Восточная Европа на пути в Евросоюз. *Европейский союз и новые страны-члены: проблемы адаптации*. Отв. ред. Куликова Н.В. ИЭ РАН, Москва. С. 15–48.

¹ Regulation (EU, Euratom) 2020/2092 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2020 on a general regime of conditionality for the protection of the Union budget. Eur-lex. 22.12.2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?toc=OJ%3AL%3A2020%3A433I%3ATOC&uri=uriserv%3AOJ.LI.2020.433.01.0001.01.ENG> (дата обращения: 04.03.2022).

² Zmušková B. Slovakia no longer among worst countries on EU funds absorption. Euractiv. 11.07.2022. URL: https://www.euractiv.com/section/politics/short_news/slovakia-no-longer-among-worst-countries-on-eu-funds-absorption/ (дата обращения: 11.07.2022).

³ Ágostházy Sz. Interjú dr. Ágostházy Szabolccsal az európai unió fejlesztésekért felelős államtitkarral. Közbeszerzési Értesítő Plusz. 2022. IV. évfolyam 1. szám. P. 3–6. DOI: 10.37371/KEP.2022.1.1 (дата обращения: 15.04.2022).

Колобов О.А. (ред.) (2008) *Европа: проблемы интеграции и развития*. Т. 1. История объединения Европы и теория европейской интеграции. Ч. 1. ФМО/ИСИ ННГУ, Нижний Новгород; Изд-во АГПИ им. А.П. Гайдара, Арзамас. 356 с.

Кондратьева Н.Б. (2023) Сближение благосостояния стран ЕС в условиях интеграции: проверка гипотезы. *Современная Европа*. № 7(121). С. 127–138.

Мид Дж. (2006) Теория таможенных союзов. *Вехи экономической мысли*. Том 6. «Международная экономика». Под общ. ред. А.П. Киреева. ТЕИС, Москва. С. 706–717.

Сергеев Е.А., Воротников В.В. (2023) *Стратегия Европейского союза в условиях глобальной перестройки: автономия или этаназия?* Издательство «МГИМО-Университет», Москва. 52 с.

Четверикова А.С. (2020) Страны Вишеградской группы в ЕС: экономические результаты. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 2. С. 63–70. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-63-70.

Álvarez-Martínez M. T., Polo C. (2017) The short-run effects of EU funds in Spain using a CGE model: The relevance of macro-closures. *Journal of Economic Structures*. No. 6. DOI: 10.1186/s40008-017-0077-8

Bitzenis A, Andronikidis A. (2006) Cost and benefits of integration in the European Union and in the Economic Monetary Union (EMU). *Economics, Management, and Financial Markets Journal*. Vol. 1. No. 2. P. 7–53.

Bjarnason M. (2010) *The political economy of joining the European Union : Iceland's position at the beginning of the 21st century – European Parliament Library*. PhD thesis. Vossiuspers - Amsterdam University Press, Amsterdam, Netherlands. 281 p.

Brown D.K., Deardorff A.V., Djankov S., Stern R.M. (1997) An Economic Assessment of the Integration of Czechoslovakia, Hungary and Poland into the European Union. *Europe's Economy Looks East: Implications for Germany and the European Union*. Ed. by S.W. Black. Cambridge University Press, Cambridge, UK. P. 23–60.

Busch B. (2021) *Europäische Union. Nicht nur Saldenmechanik*. IW-Kurzbericht No. 58. Institut der deutschen Wirtschaft, Köln, Germany. 3 p.

Busch B., Kauder B., Sultan S. (2022) *Wer finanziert die EU? Nettozahler und Nettoempfänger in der EU*. IW-Report No. 55. Institut der deutschen Wirtschaft, Köln, Germany. 17 p.

Christopher J., Anderson M., Shawn R. (2009) Economic Benefits and Support for Membership in the E.U: A Cross-National Analysis. *Journal of Public Policy*. Vol. 15. No. 3. P. 231–249.

Kąkol M. (2015) Theoretical versus Real Benefits of the EU Internal Market. *Proceedings ICABR*. 14–18.09. Madrid, Spain. P. 439–455.

Keuschnigg C., Keuschnigg M., Kohler W. (2001) The German Perspective on Eastern EU Enlargement. *The World Economy*. No. 24. P. 513–542.

Medve-Bálint G., Šćepanović V. (2020) EU funds, state capacity and the development of transnational industrial policies in Europe's Eastern periphery. *Review of International Political Economy*. No. 27. P. 1063–1082.

Muraközy B, Telegdy Á. (2023) The effects of EU-funded enterprise grants on firms and workers. *Journal of Comparative Economics*. No. 51. P. 216–34. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2022.09.001>

Petrova, B., Sznajder Lee A. (2023) The effect of European integration on economic redistribution in Central and Eastern Europe. *European Union Politics*. *European Union Politics*. Vol. 25. Issue 1. DOI: <https://doi.org/10.1177/14651165231210943>

Šostar M, Ristanović V, de Alwis C. (2023) Application of Successful EU Funds Absorption Models to Sustainable Regional Development. *Economies*. No. 11(9). DOI: <https://doi.org/10.3390/economies11090220>

Viner J. (1950) *The Customs Union Issue*. Carnegie Endowment for International Peace, N.Y., USA. 248 p.

How Beneficial is EU Membership for CEE Countries: an Attempt of Critical Analysis

A.V. Drynochkin

*Doctor of Sciences (Economics), Professor
Professor of World Economy Department, Moscow State University
of International Relations (MGIMO University)*

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454;

Leading Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: drinda-hu@yandex.ru

Abstract. Tectonic changes in the system of modern geo-economic relations necessitate the revision of many theoretical postulates. One of them is the unconditional benefit of participating in integration associations. The purpose of the study is to assess the real scale of benefits received by Central-Eastern European countries from participation in the EU. The study of the relatively long experience of membership of Central-Eastern European countries in the EU allowed to formulate some conclusions, the most significant of which are: the excessive ideological and political argumentation used in Central-Eastern European countries in the initial period of decision-making on accession to the EU, which significantly reduced the effectiveness of the analysis of the economic consequences of the future membership; the significant methodological complexity of conducting a quantified analysis of the macroeconomic aspects of EU membership and, therefore, the difficulty of determining the quantifiable impact of the general effects of integration in relation to the countries of Central-Eastern Europe; the presence of overly optimistic assessments of the effectiveness of Central-Eastern European countries receiving transfers from the EU budget.

Key words: Central-Eastern Europe, integration, transfers, EU budget, membership effects

DOI: 10.31857/S0201708324030100

REFERENCES

Kulikova N. (ed.) (2007) *Adaptacia stran Centralnoj I Jugo-Vostochnoj Evropy k uslovijam razvitiya v sostave Evropejskogo Sojuza* [Adaptation of Central and South-Eastern European countries to development conditions within the European Union], IE RAS, Moscow, Russia. (In Russian).

Buchinskja O. (2023) Problemy neravenstva I upravljenija v Evrosojuze [Problems of inequality and governance in the European Union], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 62, pp. 171–189. DOI: 10.17223/19988648/62/12 (In Russian).

Glinkina S. (2008) Centralnaja I Vostochnaja Evropa na puti v Evrosojuz [Central and Eastern Europe on the way to the European Union], in Kulikova N. (ed.) *Evropejskij sojuz I novye sstrany-chleny: problemy adaptaacij*, IE RAS, Moscow, Russia, pp. 15–48. (In Russian).

Kolobov O.A. (ed.) (2008) *Evropa: problemy integracii i razvitiya* [Europe: problems of integration and development], vol. 1, Istorija objedinenija Evropy I teorija evropejskoj integracii, p. 1, NNGU, Nizhnij Novgorod; AGPI im. A.P. Gajdar, Arzamas. (In Russian).

Kondratieva N. (2023) Sblizhenie blagosostoyaniya stran ES v usloviyah integracii: proverka gipotezy [Convergence of welfare of EU countries in the context of integration: testing the hypothesis], *Sovremennaya Evropa*, 7(121), pp. 127–138. (In Russian).

Meade J. (2006) *Teorija tamoyhennzh sojuyov* [The theory of customs unions], in Kireev A.P. (ed.) *Vehi ekonomicheskoy mysli. Vol. 6. "Mezhdunarodnaya ekonomika"*, TEIS, Moscow, Russia, pp. 706–717.

Sergeev E., Vorotnikov V. (2023) *Strategija Evropejskogo sojuza v uslovijah globalnoj perestrojki: avonomija ili evtanazija?* [Strategy of the European Union in the context of global restructuring: autonomy or euthanasia?], MGIMO, Moscow, Russia. (In Russian).

Chetverikova A. (2020) Strany Vishegradskoj grupy v EU: ekonomicheskije rezultaty [Visegrad Group countries in the EU: economic results], *Mirovaja ekonomika I mezhdunarodnye otnosheniya*, 64(2), pp. 63–70. DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-2-63-70 (In Russian).

Álvarez-Martínez M.T., Polo C. (2017) *The short-run effects of EU funds in Spain using a CGE model: The relevance of macro-closures*, Economic Structures, 6. DOI: 10.1186/s40008-017-0077-8

Bitzenis A, Andronikidis A., (2006) Cost and benefits of integration in the European Union and in the Economic Monetary Union (EMU), *Economics, Management, and Financial Markets Journal*, 1(2), pp. 7–53.

Bjarnason M. (2010) *The political economy of joining the European Union: Iceland's position at the beginning of the 21st century – European Parliament Library*, PhD thesis, Vossiuspers - Amsterdam University Press, Amsterdam, Netherlands.

Brown D.K., Deardorff A.V., Djankov S., Stern R.M. (1997) An Economic Assessment of the Integration of Czechoslovakia, Hungary and Poland into the European Union, in Black S.W. (ed.) *Europe's Economy Looks East: Implications for Germany and the European Union*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 23–60.

Busch B. (2021) *Europäische Union. Nicht nur Saldenmechanik*, IW-Kurzbericht 58, Institut der deutschen Wirtschaft, Köln, Germany.

Busch B., Kauder B., Sultan S. (2022) *Wer finanziert die EU? Nettozahler und Nettoempfänger in der EU*, IW-Report 55, Institut der deutschen Wirtschaft, Köln, Germany.

Christopher J., Anderson M., Shawn R. (2009) Economic Benefits and Support for Membership in the E.U: A Cross-National Analysis, *Journal of Public Policy*, 15(3), pp. 231–249.

Kąkol M. (2015) Theoretical versus Real Benefits of the EU Internal Market, *Proceedings ICABR*, 14–18.09, Madrid, Spain, pp. 439–455.

Keuschnigg C., Keuschnigg M., Kohler W. (2001) The German Perspective on Eastern EU Enlargement, *The World Economy*, 24, pp. 513–542.

Medve-Bálint G., Ščepanović V. (2020) EU funds, state capacity and the development of transnational industrial policies in Europe's Eastern periphery, *Review of International Political Economy*, 27, pp. 1063–1082.

Muraközy B, Telegdy Á. (2023) The effects of EU-funded enterprise grants on firms and workers, *Journal of Comparative Economics*, 51, pp. 216–34. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2022.09.001>

Petrova B., Sznajder Lee A. (2023) The effect of European integration on economic redistribution in Central and Eastern Europe. European Union Politics, *European Union Politics*, 25(1). DOI: <https://doi.org/10.1177/14651165231210943>

Šostar M, Ristanović V, de Alwis C. (2023) Application of Successful EU Funds Absorption Models to Sustainable Regional Development. *Economies*, 11(9). DOI: <https://doi.org/10.3390/economies11090220>

Viner J. (1950) *The Customs Union Issue*, Carnegie Endowment for International Peace, N.Y., USA.